

Философские науки

УДК 1(091)

А.А. Силаева

Силаева Алина Алексеевна, студентка 3 курса Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, ул. Чернышевского, 3),
e-mail: silaevaa14@gmail.com

Научный руководитель: **Торопов Павел Борисович**, кандидат педагогических наук, доцент Института образования Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, ул. Чернышевского, 3), e-mail: PToropov@kantiana.ru

ВИНА И ДЕТЕРМИНИЗМ У Х. АРЕНДТ

В статье рассматривается теория виновности и ответственности в трудах Х. Арендт, а также взгляды более поздних философов на данные проблемы (Л. Альтюссер, Ж. Лакан, С. Жижек). В исследовании затрагивается феномен коллективной вины немцев после Второй мировой войны.

Ключевые слова: Х. Арендт, вина, детерминизм, совесть, идеология.

A.A. Silaeva

Silaeva Alina Alekseevna, 3rd year student of the Immanuel Kant Baltic federal university (3, Chernyshevskogo st., Kaliningrad), e-mail: silaevaa14@gmail.com

Research supervisor: **Toropov Pavel Borisovich**, candidate of pedagogical sciences, associate professor of Institute of education of the Immanuel Kant Baltic federal university (3, Chernyshevskogo st., Kaliningrad), e-mail: PToropov@kantiana.ru

GUILT AND DETERMINISM IN H. ARENDT

The article examines the theory of guilt and responsibility in the writings of H. Arendt, as well as the views of later philosophers on these problems (L. Althusser, J. Lacan, S. Žižek). The study deals with the phenomenon of German collective guilt after World War II.

Key words: H. Arendt, guilt, determinism, conscience, ideology.

В данной статье мы раскроем сущность вины и совести, рассмотрим, насколько использование категории вины и обвинений правомерно, существует ли у вины оправдание. Также затронем понятие детерминизма как философской позиции. Эти проблемы, несомненно, влияют не только на этику, но и на философию права. Суждения философа Х. Арендт, посвятившей большую часть своего творчества данной проблематике, будут центральными в этом исследовании. Мы проанализируем взгляды философа на вину и ее индивидуальную и коллективную формы и рассмотрим, на каких скрытых аксиомах строится ее система взглядов на эту проблему.

Для начала обратимся к феномену коллективной вины. Ее проблема заключается в том, что при последовательном доказательстве не оказывается кого-то виновного [3, с. 59-60], перефразируя заглавие известного произведения Ф. Ницше «Виноваты все и никто». Для Арендт нет измерения коллективного, когда дело касается ответственности, которая всегда индивидуальна в том смысле, что касается конкретной личности, и в этом строится на свободе субъекта, пусть даже и относительной. Арендт приводит в пример послевоенную Германию: из-за всеобщего чувства вины (которое испытывали даже те, кто был непричастен к геноциду – например, антифашистские активисты) стерлось различие между военными преступниками и простыми рабочими. Таким образом, многие нацисты избежали правосудия – это подтверждает, что для субъекта морали пагубно

винить себя в том, в чем он не виноват. Именно это и произошло в послевоенной Германии. Немцы, не принимавшие участие в войне на стороне фашизма или принимавшие косвенно (как рабочие того государства), безгранично раскаивались за преступления, в то время как сами военные преступники свою вину не признавали. Так коллективная ответственность пала на всю Германию и уравнила честных людей с убийцами и садистами, смыв кровь с рук последних.

Можно ли оправдать тех, кто поддерживал фашизм? Не следует спешить с выводами о немцах, даже поддержавших (пусть и на словах) нацизм, и Арендт в который раз предупреждает: ответственность за суждения – только на людях, достигших зрелого возраста, молодые либо принимают участие в интеллектуальных играх, либо не понимают, что они делают. Отсюда возникает следующий вывод: если в христианстве, по мысли З. Фрейда, понятия Долга и Закона строятся на идее табуирования, то не допустить нацизм могла вера в это табу. Это, непременно, и иллюстрирует ту точку зрения, в которой вседозволенность как никогда пагубна. Именно это одна из тех решающих детерминант, которая составляет, по Л. Альтюссеру, блок сверхдетерминации – в ход идут условия самых разных уровней и инстанций, вплоть до формальных противоречий [1, с. 144-148].

Но почему же немцы поддерживали фашизм, если гуманизм был так сильно распространен? Дело в том, что Закон склоняет нас к себе, не аргументируя свою позицию какой-либо Истиной. Он может, конечно, ухватить какую-то часть от нее для большей убедительности, но его требование – поверить не в свою правдоподобность, а в необходимость. Философ С. Жижек говорит, что все рациональные аргументы – в пользу Закона [5, с. 43-46]. Именно поэтому немцы, принимавшие участие в Холокосте, не задавались вопросом, насколько это гуманистично, пока система была работоспособной и не показывала грядущее поражение.

Также Арендт рассматривает такое явление, как взаимозаменяемость субъектов [3, с. 69-71]: если бы один субъект отказался от своей роли в

каком-либо компрометирующем процессе, его бы заменил другой. В таком случае, вина может быть возложена только на сам процесс, либо на того, кто этот процесс допустил изначально, даже учредил (например, Гитлер). Арендт задается вопросом: почему тем не менее есть субъекты, которые «встроились» в эту систему насилия, ведь выбор у них был всегда? Она вспоминает даже те случаи, когда несогласные с режимом Гитлера индивиды заканчивали жизнь самоубийством или становились нетрудоспособными. Она делает вывод, что в таких поступках оказывается важным не столько страх наказания в будущем, сколько совесть (осознание того, что от нее невозможно скрыться). Именно совесть субъекта и подтверждает точку зрения, согласно которой вина существует: субъект сам осознает, что он должен был поступить по-другому. Возможно ли эту совесть (и мораль в целом) как-либо устранить, и к чему это приведет?

Обращаясь к И. Канту и его суждению о том, что жизнь без справедливости не имеет смысла, Арендт выступает против отрицания морали [3, с. 85-86]. Она не допускает мысли, что мораль – это набор привычек или представлений. Справедливость в этом случае выступает, скорее, частным проявлением такого феномена, как императив (некое общезначимое предписание), ведь еще Платон заявлял, что справедливость должна оставаться справедливостью по отношению ко всем.

Обращаясь к вопросу детерминизма (взаимосвязи между явлениями объективной действительности), Арендт считает, что он ставит под сомнение вопросы морали и безусловной виновности. Здесь обратимся к суждениям других философов.

Например, крупный французский философ Луи Альтюссер смотрит на историю как на борьбу противоположных сил (в этом он следует Г.В.Ф. Гегелю и А.В. Кожеву). Каждое действие этих сил можно оправдать их интересами, поэтому он не удивляется тому, что эти противоположные силы стремятся уничтожить друг друга, даже если разница между ними – в исходных детерминантах. Позиция Арендт состоит в другом: в ней еще жив

христианский дух, поскольку, когда она подходит к мысли, что нацисты совершали свои зверства из-за разницы в идеологии с антифашистами и движением Сопротивления, первая мысль, возникающая у нее, – это возможность простить им их преступления. Именно поэтому она и не может принять концепт детерминизма и настаивает на волюнтаризме. Она оказывается в замкнутом круге, где детерминизм ведет к прощению, а волюнтаризм – к ответственности за преступления. Жажда ответственности и толкает ее встать на позиции волюнтаризма.

Неготовность субъекта вынести суждение о поведении другого субъекта может быть обусловлена убеждением в том, что этот субъект не властен над своей судьбой и является лишь продуктом сложившихся обстоятельств [3, с. 50]. Возможны ли в таком случае размышления о вопросах морали, наличие универсальных императивов? Или, касаясь этики субъекта, мы будем заниматься хронологией: кем или чем был воспитан субъект, почему он живет определенным образом? Вопросы о сущности Добра и Зла снимаются, если мы придерживаемся вульгарной версии детерминизма – концепта о том, что у субъекта нет власти над собой, его действия определены различного рода обстоятельствами. Это было бы тупиком философии: никаких ценностей, кроме собственного наслаждения субъекта, не было бы, как и культуры, в которой находится сам субъект.

Однако остается главным вопрос: откуда взяться детерминизму, который обусловит не только чувство вины, но и саму субъективность индивида? Детерминизм (и даже сверхдетерминизм) проявляется уже на уровне культуры. Французский психоаналитик Жак-Аллен Миллер [7, с. 105-108] замечает, что в определенном смысле китайская и западноевропейская культура противопоставлены друг другу: в последней ценится пышность золотого века искусства Европы, в то время как в Китае – «пресность» и безучастность – Конфуций и даосизм наказывают субъекту «быть ниже травы». Таким образом, уже после рождения от субъекта требуется следовать идеалам той культуры, в которой ему приходится существовать – в этом нет

свободы, такой детерминизм культурной идентичности в определенных аспектах лишает субъекта чувства вины (например, в способах его самоактуализации).

Философ Жижек в этой связи обращается не столько к культуре, сколько к понятию идеологического фантазма [5, с. 35]. Он говорит, что люди подвержены «идеологической оценке» своих действий. Это значит, что разница между их действиями и тем, как они их воспринимают, зиждется на идеологии. Именно это и есть идеологический детерминизм, та ответственность и виновность, которые не подвластны субъекту. Можно задать вопрос: почему же тогда они придерживаются этой идеологии? Ответ гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд: не существует выбора идеологии, субъект не находится на «распродаже идей», о которой когда-то говорил С. Кьеркегор в предисловии к «Страху и трепету». У субъекта нет выбора, поскольку он рождается в заданных исторических условиях, его будущее уже определено – идеи «насаждаются» его родителями.

Дело не только в родителях и семейном воспитании. Альтюссер в своей теории политической философии отходит от фамилиализма, когда дело касается детерминизма субъективности. Он говорит, что капитализм (как общественная жизнь, политика) нацелен на воспроизводство не только товаров, но и самих производственных отношений – он вырабатывает идеологию, которая насаждается человеку, включенному в это капиталистическое общество. Идеология принуждает его принимать положение вещей как необходимое, поскольку иначе – при совершении революции или других акций протеста – капитализм не сможет существовать. Место идеологии – в школах, детских садах, университетах и т.д. Эта идея характерна для всей плеяды философов прошлого века, принадлежащих к направлению «постструктурализм». Мы находим у Ж. Лакана [6, с. 412-414] ту же мысль: кафедры и направления университетских исследований основываются в тот момент, когда в какой-то

области знания субъект перестает быть контролируемым, его свобода воли ограничивается, насаждается чувство вины за отход от стандартов.

Арендт сама позже признает, что человеком движет идеология [2, с. 105-108], и объяснить некоторые явления (тот же тоталитаризм гитлеровской Германии), кроме как при ее осмыслении, попросту невозможно. Как она замечает, такая теория социальных наук, как утилитаризм в поведении человека, не применим к опыту концентрационных лагерей. Они стали возможны исключительно благодаря поддержанию идеологии нацизма и не более.

На этом подведем итог: согласно Арендт, детерминизм несовершенен, но также несовершенна и бинарность индетерминизма. При этом позиция философа основана на христианских идеях. Базируясь на суждениях Арендт и других философов, мы отметили взаимосвязь между родственными феноменами, такими как вина, совесть и идеология, определили их влияние на субъект. Также рассмотрен феномен коллективной вины в связи с таким историческим событием, как Холокост, на основании его были продемонстрированы слабые места обвинения, но также и веские решения, обосновывающие, почему этот феномен значим.

Список используемой литературы:

1. *Альтюссер, Л.* За Маркса / Л. Альтюссер; пер. с франц. А.В. Денежкина. – М.: Праксис, 2006. – 392 с.
2. *Арендт, Х.* Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / Х. Арендт; пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. – М.: изд-во Института Гайдара, 2018. – 712 с.
3. *Арендт, Х.* Ответственность и суждение / Х. Арендт; пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. – М.: изд-во Института Гайдара, 2013. – 352 с.
4. *Делез, Ж.* Ницше и философия / Ж. Делез; пер. с франц. О. Хомы. – М.: Ад Маргинем, 2003. – 382 с.

5. *Жижек, С.* Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. с англ. В. Софронова. – М.: изд-во Художественный журнал, 1999. – 234 с.

6. *Лакан, Ж.* Этика психоанализа / Ж. Лакан; пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: Логос; Гнозис, 2006. – 416 с.

7. *Миллер, Ж.-А.* Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций / Ж.-А. Миллер; пер. с исп. Н. Муравьевой. – М.: Логос; Гнозис, 2017. – 184 с.